

Жил-был ты...

Жил-был ты. Сильный, быстрый, нелюдимый. Когда появлялся в городе, приносил с собой запах костра, речной прохлады, дороги и вольности. Мужчины хмурили брови и вздыхали, тоскуя о недостижимой свободе. А женщины вводили в дом детей и торопливо чертили в воздухе охранные знаки, потому что видели в твоих зрачках пустоту и страшились ее.

Угрюмый длинноволосый бродяга, одинокий и равнодушный к любым проявлениям жизни. Пройти по шаткому мостку над пропастью, вдохнуть свежий аромат кремово-белых кистей чубушника, разорить гнездо пеночки или часами смотреть в огонь — нет разницы, как убивать время. Суровыми некрашеными нитками сплеталась судьба, а сердце саднило, стянутое прочными швами свободы. Одиночке проще, не так ли? Никого не вспоминать днем, не видеть во сне ночью; вечером не произносить заветное имя в молитве, с утра не ждать привета.

Можно сказать, тебя и не существовало. По крайней мере, до встречи на перекрестке, у заброшенного колодца под осокорем.

Ты шел вслед за дорогой, не гадая, куда попадешь. Если не стремишься к цели, то не важно, светит солнце в спину или испещряет веснушками щеки, камень или песок шуршат под сапогами, овеивает лицо колючий, со снежинками, ветер или сквозистое благоухание розоватых цветков каперса... На поясе в кожаном чехле — нож, за плечами — рюкзак, впереди — неизвестность. Высматривая местечко для отдыха, ты увидел придорожный колодец. Зеленел по камням сочный мох, валялась на земле снятая крышка, рядом — куртка и поношенные ботинки. Значит, стоило заглянуть внутрь. Дрожали зубчатые листья осокоря, чернела кора, сиротливо трепыхался обрывок веревки, привязанный к стволу. А в пересохшем колодце кто-то сидел. Мальчишка. Он слабо взмахнул рукой, приветствуя твою крепкую веревку. Ты вытянул его, осмотрел. Кости целы, а ушибы зажижут. Он жадно пил воду, опустошая твою баклагу, и тут из ворота его пыльной рубашки показалась коричневая мордочка, раздался требовательный голодный писк. Сложные версии поступка (поиски клада, укрыться от разбойников, попытка увидеть днем звезды) разбились о наивный детский ответ:

— Полез в колодец за виверрой? Зачем?

Зверек тарасил огромные глаза, выпускал и втягивал коготки, потом принялся мурлыкать, когда мальчик погладил золотистобурую шкурку. На спинке и голове подсыхали ранки — следы от когтей и клюва крупной птицы. Филин, что ли, нес и в колодец уронил? Да, маленькой виверре крупно повезло.

— Она плакала.— Паренек виновато улыбнулся, и тут ты почувствовал: с пронзительным, но никому не слышным звоном лопнул первый шов на сердце.

Мальчик умел вызывать приязнь — так же, как виверра умела плавать или лазать по деревьям. Вздохмаченные светлые волосы и худая шея, обветренные губы и хрупкие пальцы, обнимающие зверька, творили чудеса с твоей душой-одиночкой. Проснулись давно забытые желания: обнять, согреть, накормить. Вдруг понадобился дом, желателен обитаемый и уютный, и чтобы в сундуке хранилась чистая одежда, а на столе, накрытые полотенцем, ждали хлеб и молоко... Умение не выбирают, с ним рождаются. И маль-

чишка смотрел на тебя робко, понимая, что между вами протянулась крепкая багряная нить, пока не имеющая названия. Любовь или дружба, отношения отца и сына или ученика и учителя, — но узелки уже затянулись, и с перекрестка вы ушли вместе...

Паренька звали Вьюнок, а пушистый зверек остался безымянным. Да и не требовалось его приманивать: виверра неотступно следовала за Вьюнком, терлась о ноги, мурлыкала и в подарок приносила задушенных крыс. В общем, вела себя с хозяином как большая доверчивая кошка, а ко всем прочим относилась настороженно и, наверно, укусила бы протянутую руку. Может быть, поэтому желания потрогать ее не возникало.

С того вечера вы не разлучались и бродили по земле втроем. Получить хлеб и приют теперь не составляло труда. Одно дело, когда синим звездным вечером в дверь стучал подозрительный одинокий бродяга — такой и ограбить, и убить может. И совсем иначе люди смотрели на двух верных друзей, которые путешествуют в компании ручного зверька и располагают к долгой беседе за кружкой пива. Мужчины больше не сторонились тебя, приятельски хлопали по плечу: если с другом, значит, хороший человек. А Вьюнку достаточно было улыбнуться, чтобы хозяйки заспорили, у кого вы переночуете. Словно манящие чары исходили от полудетской фигурки, потому что люди вдруг делались добродушными и доверчивыми. Даже ты, одиночка по натуре, с ужасом думал о часе разлуки. А час этот неумолимо приближался.

Вьюнок рос, из худенького мальчишки превращаясь в стройного подростка с кошачьими повадками и влекущей улыбкой. На него заглядывались девчонки, а женщины вздыхали и, прикрываясь материнской заботой, норовили приласкать, погладить. Ты опасался появления особы, которая заберет у тебя друга. И однажды она появилась.

Солнце садилось, лиловое небо оттеняло черный еловый лес, дорога становилась шире и ухоженней. Приземистыми домиками и мощеной улицей, запахом чечевичной похлебки и горящими фонарями у калиток, тихим сонным поскрипыванием флюгеров начался очередной маленький город.... Вы не знали названия, но видели — здесь славно. На вопрос о гостинице встреченный старик-фонарщик оглядел вас, приметив и грязную потрепанную одежду, и пустые кошельки, и взрослую виверру, коричнево-золотистым облачком крутившуюся у ног. Покачал головой:

— В гостиницу не пустят. Лучше идите к Альбине-вышивальщице.

Улыбка Вьюнка, беззащитная и располагающая, подействовала и на него. Прихватив холстинный мешок с инструментами, старик вызвался показать дорогу. Разглядывая аккуратно подстриженные живые изгороди и предвкушая горячий ужин, ты вполуха слушал размеренную речь фонарщика. На прощанье он попросил:

— Не обижайте нашу Альбину. Она добрая, хотя и со странностями. — И ушел, прихрамывая, вверх по улице, зажег фонари на калитках.

Вьюнок улыбнулся:

— Альбина понравится нам, правда? Мы ведь тоже со странностями.

Ты пожал плечами. Какая разница. Лишь бы в доме отыскались спальное место и немного еды...

Поросшая гвоздикой-травянойкой и диким овсом дорожка юркнула в огород, оставив вас на пороге. Молоточек деликатно стукнул три раза. Через минуту Альбина открыла дверь. Под тусклым светом лампы едва высветилось лицо, наполловину скрытое распущенными волосами; сверкнул и пропал во тьме узкий футлярчик, висевший у девушки на шее; рисовальным швом пробежали по корсажу искристые змейки; колыхнул подол длинного платья.

— Пустите переночевать, хозяйюшка, — приветливо попросил Вьюнок.

Она посторонилась, впуская вас. Молча показала, где взять еду, куда ложиться спать, — и ускользнула в сумерки.

Второе место на конкурсе фантастики «Химии и жизни» в 2005 году заняла Екатерина Медведева с рассказом «Жил-был ты...». Екатерине 25 лет, она родилась и живет в Бресте. Пишет сказки и фантастические рассказы.

Виверра лакала молоко из миски, на усах висели белые бусинки, длинный хвост неподвижно лежал на полу. Ты лениво смотрел на огонь в очаге и думал, что это совсем неплохо — иметь крышу над головой: тепло, уютно, мирно... Пели сверчки, вдоль стен мерцали тени, сухие поленья пахли медом и смолой. Выюнок бродил по комнате с лампой, разглядывая вязаные дорожки на полу и посуду в ореховой горке. Потом не выдержал и приоткрыл резной сундучок, стоявший у окна. В ровном свете блеснуло золото.

— И правда — странная. Обычно люди прячут ценности, а она выставляет напоказ, — сказал ты.

— Может, золото — не главное в ее жизни? — задумчиво произнес Выюнок,

пересыпая монеты из ладони в ладонь. — Холодные. — Он закрыл сундучок, подсел к огню, чтобы согреть руки, и вскоре задремал.

Все реже взлетали и опускались его ресницы, сонная улыбка постепенно соскальзывала с лица, и только уголки губ оставались приподнятыми. Даже во сне мальчик чему-то радовался. Ты до сих пор не свыкся с этой его солнечной безмятежностью, потому что сам никогда не улыбался: нельзя — такое делает человека беззащитным, доверять без оглядки — непозволительная роскошь.

Не дождавшись возвращения хозяйки, под тихий шелест дождя за окном, ты уложил мальчика на тюфяк.

— Она промокнет, — прошептал Выюнок уже во сне.

Ты прикрыл его одеялом, погладил по мягким волосам и вернулся к огню. А может, подумал, забросить рюкзак в пыльный угол и не вспоминать о дорогах? Отдаться нехитрым прелестям размеренной оседлости?.. Слово соглашаясь, виверра сыто замурыкала, когда забралась к тебе на руки и свернулась клубком.

И вскоре дом погрузился в безлунную серую дрему.

Утро подкралось на мягких лапках и осторожно тронуло ароматом свежее испеченного хлеба. Проснувшись, ты долго не мог понять, где находишься. Глядел на беленый потолок, бревенчатые стены, знакомый резной сундучок и прислоненную к столу ольховую метелку. На сундучке сидела виверра и облизывалась, потом потянулась и выпрыгнула в открытое окно. А где Выюнок?

В соседней комнате беседовали и смеялись. Тоскливая ревность воткнула в сердце первую колючку. Раньше Выюнок не искал женского общества. Что изменилось за ночь?

Ты придрал лицу равнодушное выражение и, толкнув дверь, оказался, судя по всему, в мастерской. На лавках лежали стопки полотна, разноцветные отрезки шелка, тяжелые рулоны бархата. В корзинках яркими пятнами теснились мотки крашеной шерсти, золотые и серебряные клубки. Связанные косами, пестрели вышивальные нитки, игольница щетинилась толстыми и тонкими иглами. В раскрытой берестяной шкатулке — наперстки, лоскутки, обрывки кружева, шильца и крючки. За столом у окна, чтобы свет падал слева, сидела Альбина. Круглолицая, стройная девушка, перетянутая в талии узорчатым кушаком, в светлом березовом платье. Бледная кожа, гладкие волосы, собранные сеточкой, на груди продолговатый кожаный футлярчик. Губы сжаты, ресницы опущены. Круглые маленькие пальцы, привинченные к столу, отдыхали с неоконченным вензелем, а мастерица работала над материей, заключенной в прямоугольную деревянную рамку. Рядом примостился Выюнок и рассказывал байки, на которые девушка иногда отзывалась коротким смешком.

— Альбина вышивает мне рубашку! — воскликнул мальчик в ответ на твоё «доброе утро». Ты по привычке пожал плечами, но

вежливость заставила посмотреть на ткань. Ну да, выюнки, белые, розоватые, перевитые зеленой завитушкой стебля. Мастерица отвлеклась и посмотрела на тебя в упор. Сердце екнуло, подпрыгнуло и будто остановилось. Багряная нить натянулась до предела, врезаясь в живое, причиняя боль. Вот она, разлучница. Легкой вязью движений, невесомыми штрихами взглядов, мимолетными виньетками улыбок — стежок за стежком — привяжет к себе Выюнка, пришьет его судьбу к своей, заставит позабыть прошлое. Маленькие ножницы с острыми концами скоро перережут прочную связь дружбы... Дышать стало невозможно, в горле пересохло. Ты замер, глупо уставившись на Альбину. Девушка смущенно спряталась за мелькающей черной иглой.

— Она и тебе рубашку вышьет, — радостно сообщил Выюнок. — Охранный узор, волшебный.

Ты кивнул и поспешил на улицу. Вдохнул запах ночного дождя, плеснул на лицо ледяную воду из рукомойника, пожегился. Сердце опомнилось и снова застучало. Выжидая, пока чувства улягутся, ты принялся рассматривать двор. Увитый бальзамином палисад; неухоженный огород, где раскинула пятнистые листья расторопша; желтыми язычками лепестков дразнились осот; поблескивала бирюзовыми росинками лебеда; колодец; дровяной сарай. На поленнице сидела виверра и принохивалась, насторожив уши. Ей тут нравилось. И Выюнку... Они оба не прочь поселиться в этом доме. А ты собирался позавтракать и уйти.

Вернулся в комнату — и наткнулся на умоляющий взгляд Выюнка.

— Давай задержимся, пожалуйста, — попросил он. Хотел добавить что-то, но смутился.

И снова тоска и боль прошептали: видишь, какой он уже взрослый, привлекательный, желанный! Видишь, как ласково глядит на него Альбина! С Выюнком она разговаривала и шутила, а с тобой — испуганно молчала, страшась неподвижного, без эмоций, лица. Ну что поделать: умеешь только пугать, а не внушать любовь. Раньше этим гордился, а теперь загрустил.

Вы остались у мастерицы, не оговаривая срока.

Миновала неделя, потом другая. Будни затягивали, становясь привычными и приятными. Вертелся флюгер, цвел бальзамин, охотилась на мышей виверра. И все же ты понимал: однажды уйдешь отсюда, подчинишься зову дороги. А пока расслабился и старался платить за гостеприимство. Смастерил Альбине раздвижные ясеневые пальцы, научил крепить колышки и запяливать ткань. Точил ножницы, костяным дыроколом готовил полотно для белой глади, вымачивал нитки в горячей воде, проверяя качество окраски. Ручной труд приносил спокойное удовольствие, в памяти всплывали неожиданные знания.

Однажды торговец принес Альбине иголки. Девушка неуверенно рассматривала товар, и ты не утерпел. Качественная игла — упругая. Чтобы проверить, нужно просто переломить одну. Те, которые ломаются, как стекло, или гнутся, как проволока, — не годятся. А вот если сопротивляются пальцам и перелом выходит гладким — товар стоящий. Гладким должно быть и ушко, иначе кончик нитки рассучится и прорежется. И уж конечно, не стоит отдавать предпочтение искривленной игле: стежки получатся неверными и усилия пойдут насмарку... Увлечшись, ты подобрал полный комплект — короткие и длинные, цыганские и гобеленовые. Альбина лишь расплатилась. Потом, удивленная, предложила испробовать попку. Ты неуверенно сделал первый прокол, вышел ряд крестов на голубом батисте, закрыл контур — и, выронив пальцы, схватился за грудь, где вспышкой искр разорвался второй шов...

В дом Альбины каждый день приходили люди. Крошечные саше и необъятные скатерти, кружевные салфетки и раззолоченные кошельки — дело спорилось, горело. Выюнок помогал, выполняя несложные поручения: приметать или выдернуть канву, отнести готовый заказ. Он щеголял в рубашке, расшитой выпуклыми цветками, а ты... а тебе девушка до сих пор не подарила обновку,

хотя вроде и обещала. Помнила, конечно, но почему-то медлила, словно не различала рисунок твоей темной души. Ты же наблюдал, как под ее ловкими пальцами рождаются переплетные орнаменты, рельефные монограммы, дворянские и княжеские короны, — наблюдал и замечал: для отделки крестильных рубашечек и венчальных нарядов мастерица достает острую черную иглу из футлярчика на груди. Однажды Альбина вернула молодой матери детскую крестильную сорочку, не оживленную ни единым витком или петелькой. Женщина разрыдалась. Чудно: ведь можно отдать заказ другой вышивальщице, чего же горевать...

Однажды вечером собрались к ужину. Вьюнок теребил край скатерти, обрамленной васильками и пятиугольными листьями, дразнил виверру. Ты резал хлеб и наливал вино, изредка поглядывая на мастерскую Альбины. Сегодня девушка непривычно задержалась — никогда раньше не работала при лампе, берегла зрение. Вьюнок тоже беспокоился и вздыхал, прислушиваясь к вечерней тишине.

Наконец Альбина появилась, заплаканная и словно погасшая.

— Игла сломалась, — проговорила она.

— И только? Купишь новую, — улыбнулся Вьюнок.

— Такие редкости водятся не в лотке торговца, а лишь под сводами таинственного замка леди Мулине. — Мастерица положила на стол пустой футляр. — Больше я не смогу начертить чужую судьбу, залатать сердечные раны, стянуть края глубокого горя, оттенить и сделать ярче тусклую, скучную жизнь. — Она всхлинула. — Видел же: крестильные рубашечки и свадебную одежду я вышиваю особой иглой.

— И саваны? — спросил ты.

Девушка опешила:

— Савану вышивка не нужна, разве не знаешь?

Тут же в памяти возникли безутешная мать и белая крестильная рубашечка.

— Кто это — леди Мулине? — спросил Вьюнок.

— Выдумка, детская сказка, — отрезал ты.

— Нет, не сказка! — горячо возразила Альбина. — Среди серых вязов, возле озера, стоит бело-голубой замок. Владеет им леди Мулине. Прекрасная и бессердечная волшебница, она создает изумительные вещи при помощи чар и людских эмоций. Чем сильнее чувства, принесенные в жертву, тем могущественнее сотворенный предмет. Мою иглу добыл дедушка — для бабушки. Все забрала у него леди Мулине — любовь, дружбу, желание трудиться. А взамен три шва наложила на сердце, чтобы оно выдержало дорогу. Дедушка открыл дверь, молча отдал узкий футлярчик — и умер на пороге.

— А эту историю бабушке поведал призрак? — не удержался ты.

Мастерица грустно взглянула, поднялась и вышла. Вьюнок бросился следом. Обовьет, утешит, согреет улыбкой, он умеет.

Ужинать довелось в одиночестве. Виверра смотрела укоризненно и отказалась от жареного куриного крыла. Потом выпрыгнула в окно. Ты долго сидел у огня, ждал друга, но Вьюнок не вернулся из комнаты Альбины. Так-то. Они — вдвоем, мальчик сделал выбор, и третьему лишнему пора откланяться.

Но утром оказалось, что Вьюнок тоже собирается. В замок леди Мулине.

— Может, взять денег? — задумчиво спросил он. — Купить иголку за сундучок с золотом?

— Для леди Мулине деньги не имеют ценности, — ответила заплаканная Альбина. — Она потребует самое дорогое, что есть у человека. Не ходи, Вьюнок!

— Вернусь, — пообещал он.

— Вернется, я позабочусь, — пообещал ты.

— Пойдешь со мной? — просил Вьюнок. — Тогда бояться нечего!

И лицо мастерицы посветлело. Что же, хоть на роль охранника сгодился, невесело подумал ты. Заточил нож, проверил сапоги, наполнил водой баклагу. Дорога звала, тянула. Чудились в мня-

щей дымке зеленый пологий холм и подернутая туманом лощина, легкомысленный пересвист ветра в камышах, аромат можжевельника, терпкий вкус ягод облепихи...

Держа на вытянутых руках аккуратный сверток, подошла Альбина.

— Прими от меня подарок. — Ее голос срывался, в нем ощущалась тревога.

Нет, ты не вздрогнул. Но холодная, колючая ладошка сжала сердце, зазмеился через трещинки страх. Подаренная рубашка ослепила нетронутой белизной. В таких — хоронят, пронеслось в голове.

— Игла сломалась, когда я хотела сделать первый стежок. Прости.

— Не страшно. — Ты пожал плечами, стараясь казаться равнодушным.

Выпили молока, помолчали на прощанье — и покинули город. Шемящая тоска заставила оглянуться на желто-красные, со шпорцем, цветы бальзамина, фонарь у калитки, неподвижный флюгер, а рядом, на крыше, — темный силуэт зверька. Альбина стояла, глядя на вас... нет, пожалуй, на Вьюнка. Отчетливо виделось, как нежность окутывает Вьюнка, целует, приглаживает мягкие светлые волосы, бережно берет за руку и ведет его по дороге. Тут и охранники-талисманы ни к чему. Ступая шаг в шаг за мальчиком мыслями и молитвами, Альбина не позволит ему погибнуть. А вот тебе осталось надеть белую рубашку и шагать навстречу приключению. Даже если оно окажется последним...

На перекрестке, у колодца под осокорем, Вьюнок в растерянности остановился.

— Кинем жребий? — спросил он, вглядываясь в убегающие дороги.

— Ни к чему. Нам направо.

— Ты знаешь, где живет леди Мулине? А говорил — выдумка.

— Для того и говорил, чтобы тебя сберечь от глупостей.

Мальчик вздохнул. Ты промолчал, сожалел и не в силах ничего изменить. Эх, мечтал стать ему отцом, другом или учителем. А станешь — воспоминанием, которое постепенно вылиняет, истлеет. Перетретесь багряная нитка, исчезнет, уступит место радужной вышивке любви.

— Идем. Если поторопимся, успеем дотемна.

Мальчик оглянулся на город.

— Идем...

Уже много лет никто не стремился попасть в замок леди Мулине — поэтому дорога изо всех сил старалась угодить путешественникам, наконец ступившим на нее. Она убирала из-под ног камешки, прокладывала мостки через лужи и овражки, рассыпала по обочинам алую землянику, родники, тенистые липы. И к полудню замок показался вдали — бело-голубой, филигранный, изящный, словно вытканная картина в золотистой раме солнечных лучей. Замерли гладкие, матово-серые вязы, боялись шевельнуться метелки травы, не прилетали пчелы к ярким соцветиям гравилата, по озеру не пробежал ветерок, и лебеди застыли парой изломанных линий.

— Немыслимо! — восхищенно прошептал Вьюнок. Потом, словно перейдя невидимую границу, шагнул на лужайку — и иллюзия пропала. Встрянули шероховатыми листьями вязы, смялась тра-

ФАНТАСТИКА

ва, загудели пчелы, рябью подернулось озеро, и лебеди взлетели, тяжело махая крыльями. Ты огляделся и ступил следом.

Вы прошли по нереальному, словно мозаичным швом расцвеченному саду. Окна замка приветливо поблескивали, отражая солнце, приоткрытая калитка ждала гостей, будто чудесная игла леди Мулине заранее вышила ваше появление на туго натянутом шелке. Приглашая, распахнулись витражные двери, поднялись тяжелые бахромчатые занавеси, и в ярком полуденном свете перед глазами предстал гобеленовый зал. Торжественное великолепие.

Мебель здесь казалась матерчатой, ненастоящей, будто созданной из плотных магических нитей. Связаны крючком ажурные спинки стульев. Разукрашены стразами и пайетками инкрустированные ларцы. Стебельчатым швом выжжены гирлянды на белой скамье, а фарфоровые медальоны кабинетов и львиные лапки кресел — искусно прикрепленная аппликация.... Хотелось взяться за края и заглянуть на изнаночную сторону: не оставила ли вышивальщица неряшливых узелков, все ли концы спрятала под стежками?

И тут Вьюнок изумленно ахнул. Ты повернулся вслед его восторженному взору и без сил опустился на кушетку, загороженную карминной ширмой. Жег, резал, рвался на части, не желая исчезать из сердца, третий шов. От нестерпимой боли выступили слезы, но отвести взгляд не получалось.

Покатыми опаловыми складками стекала со второго этажа лестница, по которой медленно спускалась хозяйка замка. Леди Мулине. Небрежно разбросанные розовые маки невесомой гладью осыпали черное платье, тускло светились жемчужины, скреплявшие прическу. В руке волшебницы — маленькие серебряные пальцы, а к бархатной шемизетке приколота игла — та, за которой вы и прибыли сюда. Но для тебя сейчас существовала только обворожительная женщина в черном. Любовь колючей терновой плетью опутала душу, кровь бежала из последнего разорванного шва... Вьюнок поклонился и раскрыл было рот для приветствия, когда леди Мулине проговорила:

— Какой юный! Для кого просишь иглу?

— Для невесты. Альбина заботится о людях, дарит им счастливую судьбу.

— Глупышка! Заботилась бы лучше о себе.

— О ней позабочусь я! — вспыхнул мальчик.

— Не надейся. Выпьешь эликсир и позабудешь невесту, дружбу, заветное дело. Пропадут чувства. Станешь пустым и равнодушным.

Вьюнок нахмурился, поблекла его всегдашняя улыбка. Спросил глухим голосом:

— Я смогу отнести подарок Альбине?

— Нет. Не каждый мужчина выдерживал подобное испытание, где уж ребенку! Отдайшь игле пронзительную любовь — чтобы прокалывала камень, лед и воздух. Крепкую дружбу — чтобы не ломалась и не гнулась. Сокровенное мастерство — чтобы не иссякали магические узоры. Самую острую боль — чтобы кончик иглы никогда не тупился. И от этой боли — умрешь.

— Я готов, — еле слышно сказал Вьюнок.

В руках леди Мулине возникла стеклянная чашка. Волшебница взболтала прозрачную жидкость, вдохнула аромат, смакуя, и протянула напиток Вьюнку:

— Хочешь получить иглу — выпей до дна.

Мальчик посмотрел на тебя. На его лице — страх, отчаянная решимость и — преданность тебе.

— Пей, — грустно поторопила леди. — Или не отнимай моего времени. Трус недостойн драгоценного подарка.

Вьюнок обернулся:

— Когда я умру, отнесешь Альбине иголку?

— Нет. — Ты показался из-за ширмы, с удивлением наблюдая за леди Мулине. Как нити канвы выдерживают из-под готовой поделки, так ниточка за ниточкой сползали с лица волшебницы надменность, холодность, равнодушие. Ничего напускного не осталось. Перед вами стояла слабая, растерянная женщина, больше не владеющая ситуацией.

— Иголку Альбине вручишь сам, — сказал ты и взял чашку из дрожащей руки друга. — Невеста ждет жениха. И зверьку негоже без хозяина оставаться.

— погоди! — воскликнула леди Мулине.

— Не беспокойтесь, леди. Не заметили разве? На мальчике оберег. А я в погребальной рубашке.

Ты улыбнулся Вьюнку (оказывается, улыбка — это нетрудно и даже приятно), а потом выпил безвкусную жидкость и уже не слышал горестного вскрика мальчика и торжествующего смеха леди Мулине.

В круговерти снов распушались кисточки, вились петельки, переплетались кружева, а после мир снова стал доступен восприятию. Ты очнулся. Сердце не болело, стучало размеренно и тихо. Голова утонула в мягкой подушке, а белую рубашку сменила черная, расшитая розовыми маками.

У изголовья кровати сидела леди Мулине. Тонкий профиль, темные завитки прически, бледность кожи искусно подчеркнута черным бархатом платья. Длинные пальцы комкали белоснежный платочек, а на безымянном свилось золотой змейкой обручальное кольцо.

— Вы замужем, леди? — почти простионал ты, забыв о приличиях. Она глянула испуганно, потом вздохнула:

— Была. Все убранство замка создал мастер Мулине. Он боготворил меня, но считал слишком жестокой. Жалел людей, умиравших за глупый кусочек металла. Постепенно стал тяготиться любовью и... однажды попросил... В общем, он ушел свободным и пустым, оставив острую черную иглу. Которую, кстати, забрал твой друг.

— А я... я?

— Упал в обморок, выпив ключевой воды, — усмехнулась волшебница.

Ты смутился. Множество мыслей пронеслось в голове — как спросить сразу обо всем?

— Иди, я расскажу тебе о мастере Мулине. — Она жестом пригласила сесть рядом, в соседнее кресло. Взяла серебряные пальцы с туго натянутой тканью. Точенье пальцы вдели нить в иглу... Стежок за стежком — и картина на шелке начала проясняться.

Леди Мулине неспешно заговорила:

— Жил-был ты...

